

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. **НОВЫЙ** **САТИРИКОН**

№ 7

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
11 ФЕВРАЛЯ

Рис. Ре-ми.

НОВЫЙ СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Вольное подражаніе Пушкину.)

Скупой рыцарь, Мусинъ-Пушкинъ. —
И каждый разъ, когда иду я въ банкъ,
Гдѣ сахаръ спрятанъ, я впадаю въ трепетъ
Не страхъ (о, нѣтъ! Кого бояться мнѣ?
При мнѣ протекція: за сахаръ отвѣчаетъ
Мой чинъ), но сердце мнѣ тѣснитъ

Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣхъ находящіе пріятность.
Когда на сахарокъ смотрю я нѣжно, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ...

Пушкинъ, исправленный соответственно
нашему времени, А. Радаковымъ.

Московской городской управой случайно открыты въ московскихъ банкахъ огромные запасы сахара. Этотъ сахаръ принадлежитъ извѣстному сахарозаводчику, члену продовольственнаго комитета, графу Мусину-Пушкину. (Газета „День“.)

ЖЕРТВА ВОЙНЫ.

Она: — О, только теперь я понимаю, какой это ужась война!..
 Онъ: — Почему?
 — Да как же! Планшетки для корсета вздоржали на 70 процентов...

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ.

(Суворинская каша.)

Когда наступило затишье на фронтѣ, стали стрѣлять въ тылу. Первымъ выстрѣлилъ Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ, о которомъ поэтъ сказалъ: «Сынъ Суворина и самъ въ душѣ Суворинъ».

— Вы, кажется, стрѣляете? — осторожно спросили его близкіе люди изъ «Маленькой Газеты», — Акимъ Твердило, Сенька Хвостъ и Манька Хипесная.

— Пострѣливаю! — неохотно отвѣтилъ Суворинъ.

— А какъ же вы это? Попугиваете или такъ?

— Попугиваю. Евреи-банкиры хотятъ «Новое Время» купить. Живымъ или мертвымъ.

— Скажите, право, какіе...

— Вотъ я и стрѣльнулъ.

— Въ банкировъ?

— Кто же въ наше время въ банкировъ стрѣлять будетъ? Я вегетарианецъ.

— А что же вы раньше не стрѣляли? Неужели, такъ заняты были?

— Я, извините, въ брата стрѣлялъ. На это всегда времени хватить.

— Попали?

— Попадешь тутъ, если его въ комнатѣ не было... Въ окно попалъ, за стекла заплатилъ... Рубль семьдесятъ. А скандала рублей на восемьдесятъ вышло. Все-таки экономія.

— Ну и что же?

— Купили. Евреи. Банкиры. Одного брата купили. Другого брата купили. Правленіе купили. Газету купили. Я самъ еле-еле убѣждалъ: приходитъ банкиръ Рубинштейнъ, увидѣлъ меня, да какъ крикнетъ сторожу: «Заверните и на извозчика положите!»

Рис. А. Р.

«Маленькая Газета», издаваемая Алексѣемъ Суворинымъ, живо отозвалась на событія. Развѣ могъ смолчать большой идейный органъ, ведущій русскую молодежь къ свѣту, знанію и наукѣ? Развѣ не живы въ немъ традиціи восьмидесятихъ годовъ?

Сначала на стрѣльбу отозвался сенсационный романъ газеты. Появился выдержанный въ денатуратѣ и вычищенный политурой крѣпкой тонъ.

«— Пхе, пхе, — сказалъ Мошке Срулю, выпивая рюмочку крови новорожденного младенца двадцати двухъ мѣсяцевъ, — гевальтъ, вей-миръ, пхе-пхе...»

Сруль задумался, потомъ отвѣтилъ, додѣлавая фальшивую монету, производя абортъ несчастной дѣвушкѣ и разоряя довѣрчиваго купца:

— Пхе, пхе, вей-миръ, пхе-пхе...»

Потомъ сталъ выступать самъ Алексѣй Суворинъ, начиная статьи непосредственно подъ заголовкомъ газеты и ея девизомъ: «Гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится — будь первымъ тамъ», напечатаннымъ предусмотрительно мелкимъ шрифтомъ.

— Вы знаете моего брата Михаила? Хорошенькій братецъ... Взялъ и продалъ газету. Честное слово. Вы думаете, ему мой другой братецъ, Борисъ, не помогать? Вы думаете, можетъ быть, моя сестра осталась безъ дѣла? А кто квартиру банкиру Рубинштейну приготовилъ?

— Это вы нечаянно написали? — уныло спрашивалъ редакторъ Дядя-Ваня, беспомощно стоя съ золотымъ свисткомъ посрединѣ редакціи. — Ей Богу, не нарочно?

— Нарочно, — упорствовалъ Алексѣй Суворинъ, — какъ это говорится въ пословицѣ: ради себя не пощажу сестры и брата! Такъ, кажется?...

Дядя-Ваня отходилъ въ уголокъ и робко плакалъ.

— Студентомъ былъ, борцомъ былъ, арбитромъ былъ, редакторомъ былъ, теперь въ юдофобы толкаютъ... А если я не хочу... Имѣю право я не быть, или не имѣю... Редакторъ я вѣдь, или не редакторъ...

Сотрудники «Маленькой Газеты» утѣшали какъ могли.

— Елдырни по кумполу! — предложилъ одинъ.

— Садани по черепу!

— Тагарга-матагарга, матагарга моя, — успокаивающе предложилъ третій, — ножъ въ бокъ, камень въ голову...

Суворинъ сдѣлался окончательно суворинофобомъ. Просилъ о перемѣнѣ фамиліи, называлъ себя Петей и по ночамъ точилъ большой кухонный ножъ о-подетку около дома № 6 по Эртелеву переулку.

* * *

Въ это время пробѣгалъ мимо съ трещницей въ одной рукѣ и съ Notunculus'мъ въ другой—«День». Въ свободное отъ занятій время «День» всегда кого-нибудь разоблачаетъ. Безъ различія пола и возраста.

«Наше дѣло маленькое, — подумалъ «День», — а вотъ отъ «Вечерняго Времени» чѣмъ-то пахнетъ».

Остановился, попринюхался.

— Мы «Кунстомъ и Альбертсомъ» душимся, — весело отвѣтили въ «Вечернемъ Времени», — пока пробные флакончики. Прекрасный одеколонъ. Дальневосточная фирма.

— А дайте-ка я понюхаю.

Понюхалъ и напечаталъ статью съ четырьмя продолженіями: «Шантажисты Вечерняго Времени».

«Вечернее Время» стало оправдываться.

— Ей-Боженьки, не брали...

— А къ кому баба въ платьѣ и съ узелкомъ приходила? — торжествующе спросилъ «День».

— Во-первыхъ, это не баба, а гимназистъ и не съ узелкомъ, а съ книжкой.

— А кто это такой Петръ Ивановичъ?

— Тетенька ихняя. Нѣмецкую тетку и защищаете...

— А намъ мальчишка изъ лавочки такое рассказывалъ...

— Врѣтъ мальчишка. Не было его. И лавочки не было.

А была почтовая контора и Дарья Семеновна.

— А гдѣ четвертная?

— А что посылному было сказано?

* * *

Заварилась каша, въ которой весело похлопывалъ себя по бедрамъ только одинъ Борисъ Суворинъ.

— Ну и ругаютъ, — радостно рассказывалъ онъ окружающимъ, — всѣ ругаютъ... А кто ругаетъ? Дядя-Ваня ругаетъ... А кто такой дядя-Ваня? Борець. Арбитръ. Мясо.

— Будь же неладно, — охнулъ дядя-Ваня, — я-то причемъ? Ко мнѣ-то что липнете? И еще кто — товарищъ школьный... Отъ такого отца уродился, тридцать лѣтъ на бильярдѣ игралъ, а къ чужому человѣку пристаешь...

— Братецъ ругаетъ... А я хоть бы что... Хожу и пою: Чижикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ... «День» ругаетъ... Шантажисты, говоритъ... А ему что за дѣло? И все-таки настроеніе не портятъ... Хожу и пою... Хожу и пою...

* * *

Чѣмъ кончится вся каша — неизвѣстно. Продолженія этой замѣтки давать не будемъ. Но по соображеніямъ характера злободневнаго помѣщеніе сего разъясненія считаемъ своевременнымъ.

Л. Аркадскій.

ВЪ ДНИ ДОРОГОВИЗНЫ.

Буквально.

— Эти Драдедамовы прямо таки живутъ по королевски... Прихожу я къ нимъ, а у нихъ на столѣ королевская селедка!

— Почемъ у васъ зернистая икра?
— 12 рублей фунтъ.
— Такъ дайте мнѣ двѣ дюжины.
— Чего?!
— Икринокъ. Тутъ, я думаю, копеекъ на 80 выйдеть.

ЕДИНСТВЕННОЕ УТѢШЕНІЕ.

Господинъ (заплативъ за ботинки 28 рублей). — Еще хорошо, что я не сороконожка! Тогда совсѣмъ разореніе.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

— Извозчикъ! На Литейный, — полтинникъ.
— Что вы, баринъ! Рубликъ положите. Вѣдь мы тоже за пудъ овса десять рублей платимъ.
— Хорошо. Пусть рубль. Только я, когда прїѣдемъ — овсомъ тебѣ заплачу. Четыре фунтика получишь...

Волкъ.

ЗЛОБОДНЕВНАЯ СЕМЬЯ.

Среди смятеннаго народа
Семья — вотъ бытіе твое:
У папы — рожь. У сына — сода.
У мамы — теплое бѣлье.

Какъ бобъ изъ живота факира,
Растутъ нѣмая цифры цѣнъ,
Семья вкушаетъ сладость мира,
Попавъ въ ажютажный плѣнь.

Сегодня папа съ скверной рожью
Надуеть глупаго купца,
А завтра сынъ съ шумливой ложью
Обспекулируетъ отца.

А черезъ день — въ трескучей кашѣ
Звонковъ, торговли и тревогъ
Бѣлье помогутъ сбыть мамашѣ
Супругъ законный и сынокъ.

Въ ихъ свѣтлой голубой гостиной
Всего — журфиксъ по четвергамъ,
Но за бесѣдою невинной
Тамъ часто поднимають гамъ:

— Даю. Беру. Что? Сотня — тридцать?!
Сто! Двадцать! Пять! Горимъ, пожаръ!
Тамъ можно выгодно жениться
И выгодно продать товаръ...

Надъ крышей воровскихъ притоновъ
Всегда виситъ глухой ударъ.
Что можетъ сдѣлать стражъ законовъ,
Попавъ къ мамашѣ въ будуаръ?

Здѣсь нѣтъ безпаспортнаго вора,
Здѣсь просто — милый уголокъ.
Какъ привлекать за разговоры
И за коммерческой звонокъ?...

Въ семейной куплѣ и продажѣ
Приличность внѣшняя живетъ,
Но здѣсь значительнѣе гаже,
Чѣмъ въ смрадной свалкѣ нечистотъ.

Цвѣтетъ семья — вся наготовѣ
Нажить позорные рубли
Съ людей, отдавшихъ много крови
За цѣлость вздрогнувшей земли...

Арк. Буховъ.

Рис. Ре-ми.

Э Л Е Г І Я.

— Господи, Боже Ты мой... Сапоги — и еще бутылками! Сколько воспоминаній!!!

М О Я О С Е Н Ь.

Своей любви мою аминь!
 Я хороню ее сегодня,
 Амуръ мой поступилъ, какъ сводня,
 И розы превратилъ въ полынь!
 Я въ жи-ни часто хоронилъ
 Любовь по первому разряду,
 Былъ крематорій — сердца пылъ,
 Вкругъ урны съ прахомъ возводилъ
 Изъ струнъ амура я ограду!
 Ахъ, часто по моей винѣ
 Моя любовь не разъ тонула
 Въ цинизмъ, въ ярости разгула,
 Въ слезахъ, въ проклятьяхъ и винѣ.

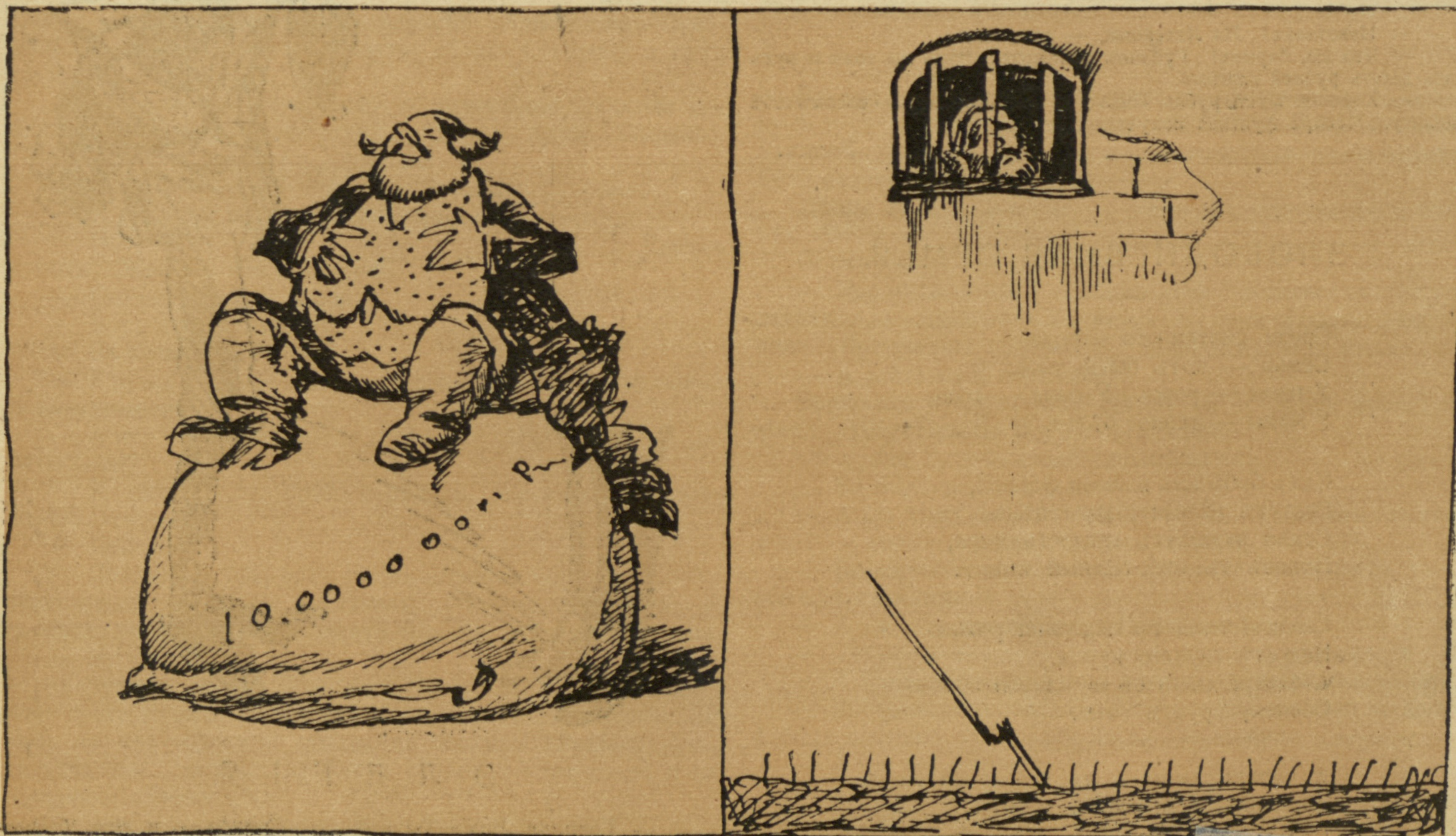
Я прожилъ жизнь свою смѣясь,
 Съ любовью радостно играя.
 И та любовь, какъ солнце мая,

Въ прахъ превращала жизни грязь.
 Не видѣлъ мой влюбленный взглядъ,
 Какъ кралась старость шагъ за шагомъ,
 И вдругъ, взмахнувши чернымъ стягомъ,
 Заставила взглянуть назадъ.

Своей любви пою аминь.
 Истрачена души Голконда
 На васъ, чей взоръ былъ знойно-синь,
 На васъ, панели, Джіоконда,
 На васъ, мой другъ, на васъ, мой врагъ...
 И слышу я въ вороньемъ кличъ:
 „Всю жизнь ты прожилъ, какъ чудакъ“!..
 Ахъ, не чудакъ я, а поэтъ!
 Всю жизнь искалъ я Беатриче,
 Всю жизнь не вѣрилъ, что ихъ нѣтъ.

А. Радаковъ.

О П Е Р А Ц И И С Ъ С А Х А Р О М Ъ.

Или на мѣшкѣ...

Или въ мѣшкѣ...

ЛОШАДИНОЕ СРЕДСТВО.

Разсказъ Арк. Аверченко.

— Вотъ сигара. Вотъ спички. Вотъ вино. Курите, пейте и слушайте.

Инженеръ Береговъ сказалъ:

— Вашъ торжественный видъ и тонъ меня пугаютъ. Зачѣмъ вамъ вздумалось поднять меня съ постели въ часъ ночи и притащить къ себѣ? Что случилось? Похоже, будто вы собираетесь дѣлать предсмертное завѣщаніе.

— Береговъ! Знаете, зачѣмъ я васъ позвалъ ночью къ себѣ? Потому что вы человѣкъ безъ предрасудковъ.

— Это вѣрно.

— И что вы серьезно можете отнестись къ тому, что вамъ серьезно скажутъ.

— И это вѣрно.

— И вы не будете хныкать и плакать, а примете всякое извѣстіе, какъ мужчина.

— И это вѣрно.

— Ну, такъ вотъ, милый, спокойный, разсудительный Береговъ: я рѣшилъ умереть.

— Гм!

— Вы, кажется, сказали: гм! Это что — возраженіе?

— Нѣтъ, такъ просто. Это громкое выраженіе тихаго размысленія.

— А какимъ образомъ вы размышляете?

— Думаю я сейчасъ такъ: вотъ человѣкъ, который, очевидно, твердо рѣшилъ покончить счеты съ жизнью. Отговаривать его было бы смѣшно, глупо и бесполезно.

— О, Береговъ! Какъ вы все понимаете и какъ съ вами легко, — воскликнулъ хозяинъ, пожимая руку невозмутимаго гостя. — Вы сразу учуяли всю желѣзную рѣшимость мою, всю невозвратность.

— Еще бы. Это сразу видно. Теперь говорите: что вамъ нужно отъ меня?

— Помнится, вы говорили мнѣ, что у васъ есть ядъ, купленный вами у спившагося фармацевта. И будто ядъ этотъ убиваетъ быстро и безъ боли.

— Есть. Вѣрно.

— И вы... могли бы дать мнѣ его?!

— Дамъ. Отчего же.

— Вы истинный другъ, Береговъ!

— Ну?...

— Можете завтра утромъ... прислать?

— Могу. Теперь все?

— Все. Но вы все-таки удивительный человѣкъ... Поразительный! Другой бы пытался уговаривать, просилъ бы, хныкалъ...

Береговъ пронзительно взглянулъ на хозяина:

— А, можетъ быть, вы хотѣли бы въ глубинѣ души, чтобы я... васъ... отговорилъ?...

— Боже сохрани васъ! Что рѣшено, то рѣшено. Поглядите въ мои глаза... Видите? Можно отговорить такого человѣка?

— Нѣтъ. Не стоитъ и пытаться.

— Спасибо, Береговъ.

Береговъ закурилъ сигару, откинувшись на спинку дивана. Взглянулъ передъ собой. Промямлилъ:

— А чудесная картина у васъ эта... Куинджи?

— Да. Я ее очень любилъ.

— Надо будетъ захватить ее съ собой, когда пойду домой.

— Какъ... захватить?

— Да такъ, возьму. Вѣдь у васъ наследниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ, — усмѣхнулся хозяинъ. — Выморочное наследство.

— Ну, вотъ, я и возьму. Можно?

— Берите. На что она мнѣ, если завтра утромъ я уже буду кускомъ мертвой говядины.

— Конечно. Я и письменный приборъ возьму. Хотя у меня комнатка не ахти какая, а, все-таки, приборъ пусть себѣ красуется. Это яшма?

— Яшма.

— Возьму. Хорошія сигары... А позвольте ихъ... я возьму всю кробку, а вамъ до утра оставлю штукъ пять... Хватить? Хозяинъ блѣдно улыбнулся.

— Съ избыткомъ.

— Спасибо. Кстати ужъ и портсигаръ возьму. Благо монограммы наши сходятся: вы — Билевичъ, я — Береговъ.

— Позвольте... Портсигаръ этотъ для меня память...

— Ну такъ что жъ! Въ гробъ же съ собой не положите?..

— Такъ-то оно такъ. Это вѣдь золотой портсигаръ. Четыреста рублей стоитъ.

— Гарно, какъ говорятъ хохлы.

Помолчали.

— Ядъ какъ думаете принять, — съ любопытствомъ спросилъ Береговъ. — Лежа въ постели или такъ, сидя за столомъ?

— Богъ знаетъ, какіе вы вопросы задаете, — недовольно замѣтилъ Билевичъ. — Будто вамъ не все равно.

— Дѣйствительно, — замѣтилъ Береговъ. — Къ чему я это спросилъ? Такъ просто, языкъ повернулся. А вы знаете, какъ его принимать?

— Кого?

— Ядъ.

— Нѣтъ. А развѣ есть особый способъ?

— Да. Наименьше мученій. Разбавить на двѣ трети водой и выпить залпомъ. Сейчасъ же свалитесь, какъ подкошенный.

— Спасибо.

— Не стоитъ.

— Можетъ быть, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ?

— Неужели, вамъ такъ неприятно? А по-моему, если ужъ рѣшили, такъ все равно.

Береговъ посидѣлъ, покуривъ, потомъ всталъ и нетопливо запустилъ руку въ боковой карманъ хозяина.

— Что вы это?!

— А? Деньги. Хочу поглядѣть, много ли у васъ денегъ.

— Какой вы странный... Для чего вамъ это?

— Взять ихъ хочу.

— Такъ не сейчасъ же, Господи!

— Вы нервничаете. Это плохо. Почему не сейчасъ? Вѣдь вамъ до завтра ничего не понадобится. Сколько здѣсь? 800? Смачно, какъ говорятъ хохлы. Кольцо дайте тоже. Все равно, завтра сторожъ анатомическаго театра свистнетъ. Лучше ужъ мнѣ!

— Послушайте, Береговъ... Меня немного удивляетъ ваша... ваше... хладнокровіе... И простота, съ которой вы...

— Ну вотъ! Давеча самъ же восхищался, что я человѣкъ безъ предрасудковъ, а теперь ему 800 рублей жалко...

— Мнѣ не жалко, а только... неприятно.

— Ну, хорошо. Не буду, не буду. О чемъ же съ вами говорить? Вотъ на будущей недѣлѣ премьера въ оперѣ — вамъ же это уже неинтересно!

— Почему неинтересно?

— Да вѣдь завтра утромъ скапуститесь, какъ говорятъ хохлы, — чего жъ вамъ...

— Вы циникъ, Береговъ.

— Не былъ бы циникомъ, не получили бы отъ меня яду... А то вѣдь я такой человѣкъ: «Дай!» — «На!». Вотъ я какой человѣкъ.

— Да довольно вамъ объ этомъ ядѣ!...

— Спокойно! Не надо нервничать. Поговоримъ о другомъ... Хорошая у васъ квартирка. Сколько платите?

— Полтора.

— По третямъ?

— Нѣтъ, по полугодіямъ.

— Давно платили?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ. Я впередъ плачу.

— Билевичъ! Идея. Вѣдь я, несчастный, сирый бобыль, могу устроиться, какъ князь. Передайте мнѣ контрактъ. Я поселюсь въ этой квартиркѣ.

— Пожалуйста, — кисло сказалъ хозяинъ.

— Вотъ спасибо! Чудесно заживу! Кабинетъ я такъ и оставляю, гостиную сдамъ кому-нибудь, а изъ той пустой комнатки устрою чудо какой уголокъ!! Вотъ тѣ оттоманки поставлю угломъ, тутъ у меня будетъ тумба, всюду разбросаю подушки, а подъ ноги перетащу вашего бѣлаго медвѣдя.

— Вы... и съ обстановкой хотите взять мою квартиру?

— Ну, а какже! Вѣдь не всунуть же ее вамъ въ гробъ!... Вѣдь это что за жизнь будетъ! Вѣдь у васъ библиотека — сердце радуется! До тысячи книгъ будетъ?

— Около полторы тысячи.

— Чудесно! Буду валяться на оттоманкѣ, читать Дюма или тамъ Чехова что ли, потягивать винцо... Да, кстати! Погребъ-то у васъ въ порядкѣ?

— Шампанскаго мало. А такъ краснаго, мадеры старой, венгерскаго — штукъ восемьсотъ наберется.

— Билевичъ, милый! Я васъ расцѣловать готовъ за все, что вы для меня дѣлаете. Получаю квартиру, погребъ, библиотеку — за что? За бутылочку бѣловатой жидкости!!...

— Хорошо... Только теперь вы оставьте меня, — угрюмо, глядя куда-то вбокъ, пробормоталъ хозяинъ.

— Конечно, конечно. Только послѣдняя просьба: сядьте вотъ сюда за письменный столикъ и пишите: «За проданную инженеру Берегову мою квартирную обстановку и переданный контрактъ семь тысячъ получено наличными». Поняли? Это, чтобы придинокъ не было...

— Мнѣ противна ваша дѣловитость въ... въ такія минуты.

— Чудакъ вы! Вамъ-то хорошо — выпили флакончикъ — и готово, а у меня-то вся жизнь впереди. Надо жъ устраиваться! Это персидскій коверъ?

— Персидскій.

— Приятно. Только вы знаете, что? Я вѣдь точно не знаю дѣйствія своей этой микстуры... Вдругъ съ вами передъ смертью рвота случится...

— Ну?

— Коверъ мнѣ можете испортить. Послушайте, Билевичъ, голубчикъ, что я васъ попрошу... ну не дѣлайте такого лица! Вамъ вѣдь все равно...

— Что вамъ еще отъ меня надо?!

— Травитесь не дома, хорошо? Ей Богу же, вамъ безразлично, а мнѣ меньше хлопотъ. Подумайте, какъ будетъ мило: на одномъ концѣ города поднимаютъ мертваго человѣка Билевича, продавшаго свою квартиру и всякія земныя блага инженеру Берегову; на другомъ концѣ города инженеръ Береговъ, входитъ въ чистенькую устроенную квартиру и начинаетъ въ ней жить, какъ король... Инженеръ лежитъ на теплой оттоманочкѣ, читаетъ Дюма, куритъ сигару, мертваго человѣка поднимаютъ, везутъ въ покойницкую...

— Къ дьяволу покойницкія, — вскричалъ, скрежеща зубами и утирая мокрый лобъ, Билевичъ. — Я умру дома!

— Да вѣдь въ покойницкую, все равно, стащатъ... Разъ самоубійца—рѣзать должны. Что, дескать, и какъ. Що воно таке, какъ говорятъ хохлы. Да развѣ вамъ не все равно? Я буду въ вашей квартиркѣ пить ваше вино, спать на вашей

мягкой постели, любоваться вашими картинами, а вы, голый, съ номеромъ на ногѣ, будете лежать въ сырой мертвецкой около зеленаго отъ времени мальчишки съ отрѣзанной головой и ободраннаго безымяннаго пьяницы, издохшаго отъ бѣлой горячки. Вѣдь вамъ уже будетъ все равно! У васъ красивое тѣло, широкая грудь и мускулистая бѣлая рука — но вамъ, мертвому, синему, будетъ уже это все равно!!... Къ вамъ на квартиру по инерціи забѣжитъ одна изъ вашихъ дамъ и, можетъ быть, я уговорю ее остаться со мной — но вѣдь вамъ уже будетъ все равно!

— Вы не смѣете этого сдѣлать!!

— Но вѣдь это капризъ! Вѣдь вамъ уже будетъ все равно!!

— Не все равно мнѣ это, чтобъ васъ черти побрали!! — истерически закричалъ хозяинъ. — Вы не смѣете меня грабить! Вы не смѣете считать деньги въ моемъ бумажникѣ и... и...

— Однако, разъ вы рѣшили отравиться...

— Не смѣйте мнѣ этого говорить! Я рѣшилъ умереть, я же могу рѣшить и остаться живымъ! Никому я не обязанъ давать отчета!! А-а! Вы уже распредѣлили мою квартиру по-своему, переставили мебель, пересчитали мои деньги — такъ вотъ же вамъ! Не надо мнѣ вашего яда! Я буду жить! А вы — уходите отсюда! Сію минуту, слышите?!!

* * *

Была черная глухая ночь... Фонари въ этой части города почти не горѣли, и Берегову приходилось то и дѣло отыскивать увязшія въ лужахъ липкой глины калоши.

Падаль рѣзкій, холодный дождикъ, будто небо отплеывалось, съѣвъ что-то невкусное.

Несмотря на это, Береговъ шагаль по грязи довольно бодро, и только разъ, пріостановившись, чтобы извлечь изъ расщелины деревяннаго тротуара калошу, засмѣялся и сказалъ вслухъ:

— Экой дьяволь! Первый разъ вижу такого больнаго, который спускаетъ съ лѣстницы врача, спасаго его отъ смерти.

Аркадій Аверченко.

Рис. В. Лебедева.

СТОЛИЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Провинціалъ: — Извозчикъ! Парле ву франсе?

— Чаво?

— Не говоришь по-французски?.. Жалко. Тогда спросимъ у городского — гдѣ Грандъ-Отель дю-Нордъ.

О ШАНТАЖИСТАХЪ.

За послѣднее время воздвигнуты довольно серьезныя гоненія на шантажистовъ.

Однихъ выслали; другихъ «посадили»; третьихъ такъ прижали, что они пикнуть не смѣютъ.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ въ защиту этихъ несчастныхъ.

За что шантажистовъ травятъ?

Почему общество ихъ презираетъ?

За что администрація высылаетъ?

Мнѣ кажется, что въ отношеніяхъ къ шантажистамъ съ стороны общества лежитъ страшная несправедливость.

Въ сущности, что такое шантажистъ?

Бѣдный негодяй.

Что такое шантажируемый?

Богатый негодяй.

И вотъ къ богатому негодяю (порядочные люди, какъ извѣстно, шантажистовъ не боятся) приходитъ бѣдный негодяй и говорить:

— Дай, подлець, деньги!...

Богатый, конечно, сразу денегъ не даетъ, и бѣдный негодяй уходитъ съ угрозой:

— погоди, миленькій, я тебѣ покажу!

И онъ начинаетъ «показывать»...

Почему же въ борьбѣ между негодяями и обществомъ, и правительствомъ, и печатью должны стать на сторону богатого негодяя?

Совершенно это непонятно. Неправедливо и непонятно.

Въ прежнія времена богатый негодяй въ концѣ концовъ сдавался.

— Надо замазать ротъ этому мерзавцу! — говорил со вздохомъ богатый.

Скрѣпя сердце, онъ открывалъ несгораемый шкафъ, вынималъ пачку ассигнацій и звонилъ по телефону шантажисту:

— Приходи, чтобъ тебя чортъ побралъ, получай и молчи.

Шантажистъ приходилъ, получалъ и, уходя, говорилъ:

— Теперь грабь, подлець, какъ до сихъ поръ грабилъ. Буду молчать.

И оба оставались довольны.

Теперь не то. Теперь времена для шантажистовъ стали похуже.

Въ прежнія времена у богатыхъ дѣльцовъ еще были кой-какіе намеки на совѣсть и стыдъ.

Боялись общественнаго мнѣнія.

— Мнѣ-то наплевать! — думалъ дѣлецъ. — А вотъ дѣти подрастаютъ... Стыдно имъ будетъ за отца.

Теперь дѣльцы стали умнѣе и практичнѣе.

Является къ дѣльцу шантажистъ и говоритъ:

— Ну-съ, милостивый государь, про ваши темныя дѣлишки потолкуемъ.

Дѣлецъ пожимаетъ плечами и презрительно улыбается:

— Темныя дѣлишки... А у кого нынче дѣла свѣтлыя? Всѣ темныя дѣла теперь при дневномъ свѣтѣ обдѣльваются... Такъ-съ.

Шантажистъ продолжаетъ:

— На прошлой недѣлѣ вы съ пшеницей ловко сплутовали...

Дѣлецъ удивляется:

— А кто нынче съ пшеницей не плутуетъ? Я, какъ всѣ...

— И съ сахаромъ смошенничать изволили. Ужъ я-то знаю...

— И я знаю. И весь свѣтъ знаетъ. Съ сахаромъ всѣ мошенничали. Я же, какъ и всѣ. Что я за бѣлая ворона такая?...

— А со сталью?... Со сталью?... Ловко сжульничали...

— Сжульничалъ. Всѣ жульничали и я жульничалъ. Эко диво!

— Вотъ я и напишу-съ... Пусть знаютъ всѣ...

Дѣлецъ, наконецъ, теряетъ терпѣніе и говоритъ въ сердцахъ:

— Ну, и пишите. Не боюсь вашего «общественнаго мнѣнія». Узнаютъ, что я ловко умѣю жульничать, и еще больше уважать станутъ. А вы...

Дѣлецъ сдвигаетъ брови.

— А вы берегитесь. Уходите, пока не заявилъ кому слѣдуетъ о васъ...

Борьба, конечно, кончается побѣдой богатого негодяя надъ бѣднымъ.

У богатого есть связи, у богатого есть деньги... Гдѣ тутъ его повалить.

Не удивительно поэтому, что за послѣднее время шантажисты стали терпѣть крушенія.

Теперь шантажистъ совершенно не страшенъ.

Что можетъ сдѣлать шантажистъ?

Начнетъ раскрывать темныя дѣла того, или другого дѣльца, а дѣльцу это только и надо.

Это подниметъ его кредитъ...

Самъ «разоблачаемый» съ удовольствіемъ будетъ читать статьи, въ которыхъ его разоблачаютъ.

Да и чего ему огорчаться?

«Передъ знакомыми неловко»...

Но всѣ знакомые занимаются такими же дѣлами, какъ и онъ.

Стыдиться ихъ нечего...

«Дѣти взрослыя»...

Тѣмъ лучше. Разъ взрослыя, значитъ, сами уже занимаются темными дѣлами.

Шантажистамъ теперь дѣлать нечего. Они отжили свой вѣкъ.

А жаль! Право, жаль!

Для богатыхъ негодяевъ шантажистъ являлся единственнымъ бичомъ, единственной острасткой.

Обдѣльвая какое-нибудь темное дѣло, дѣлецъ съ опаской оглядывался по сторонамъ:

— Нѣтъ ли поблизости шантажиста?

Никого не боялся дѣлецъ.

Того подкупалъ лестью, другого деньгами, третьяго бралъ компаньонкомъ.

Взяточники всѣ на виду. Они приходятъ раньше. Ихъ видишь передъ собой.

А шантажистъ приходитъ потомъ, когда уже темное дѣло сдѣлано.

Все время онъ тайно находится возлѣ тебя. Его не видишь. Является онъ только послѣ... Является неожиданно...

Выросталъ, гдѣ не нужно и когда не нужно.

Теперь и этого бича не стало...

Жаль мнѣ этого маленькаго бѣднаго негодяя, именуемаго «шантажистомъ».

Безъ него большимъ, богатымъ негодяямъ значительно легче будетъ жить и работать...

О. Л. Д'Орь.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Футуристъ Сычовъ выпустилъ книжку «Тюльпаны въ кварталахъ».

На обложкѣ написано просто и мило:

«Антоній Сычовъ. Идіотъ».

Нѣтъ ничего смѣшнѣе положенія человѣка, ломящагося въ открытыя двери...

«Петрогр. Обозрѣватель» продолжаетъ выискивать потрясающія цитаты изъ официальнаго каталога музея академіи художествъ:

Многіе справедливо возмущены характеристиками нѣкоторыхъ умершихъ художниковъ; на примѣръ, А. И. Куинджи, о которомъ составитель каталога не нашелъ больше ничего сказать, какъ то, что онъ былъ сыномъ сапожника, красилъ заборъ у Айвазовскаго и дважды провалился (буквальное выраженіе) на экзаменъ въ академію художествъ.

— Чѣмъ гордишься? — можно сказать академическому составителю.

Къ № 1363 (голова натурщика) сдѣлано такое глубокомысленное объясненіе: «лицомъ обращенъ вправо. Безъ усовъ, безъ бороды».

Можно написать яснѣе: наверху у него голова, внизу двѣ ноги, руки покрыты пальцами, вообще — это человѣкъ.

Отъ издательства „Новый Сатириконъ“.

Вслѣдствіе все растущаго вздорожанія бумаги (на 250—300%), клише, типографскихъ работъ и проч., — издательство принуждено временно повысить стоимость журнала въ розничной продажѣ.

Начиная съ № 8 — цѣна экземпляра журнала будетъ 20 коп., какъ у газетчиковъ, такъ и въ кіоскахъ на ст. желѣзн. дорогъ.

УХАРЬ - КУПЕЦЪ.

(Современно-народная.)

Жиль-быль въ Саратовѣ ухарь-купецъ, ухарь-купецъ, удалой молодець... Вздумалъ купецъ покатить въ Петроградъ, малость въ кубышку припрятать деньжатъ...

Снялъ онъ вагонъ, — «ну, работай, не грусть», — кура тамъ, утка, индѣйка и груздь, пряники, масло и мучка, и лень...

Быль тотъ купчина мозгами силенъ.

— Здѣсь у насъ масло двугривенный пудъ; въ Питерѣ, смотришь, «бумагу» дадутъ; тутта индюшку хошь «купне-укуп», ну, а въ столицы — «форменно — रुपь!..» Вотъ гдѣ торговля-то, жги, не зѣвай, деньги лопатой гребизагребай. Въ Питерѣ, бають, и груздь дорогой, тысь, пошевеливай только мозгой...

Быль тотъ купецъ не юнецъ-вѣтрогонъ, — съль вотъ онъ, значить, солидно въ вагонъ, попилъ чайку, кулебячки поѣлъ, пѣсно смурлыкалъ, въ окно поглядѣлъ, — видитъ за окнами: поле да мракъ, станція, будка да пара собакъ... Лають собаки, начальникъ юлить...

Только вагонъ все стоитъ да стоитъ...

Ночка... Кругомъ ни душонки живой... Ухарь-купецъ покачалъ головой... Вылѣзь... Прошелся... Глазами повель... Къ красной фуражкѣ бочкомъ подошелъ... Кланялся чинно... О чемъ-то шепталъ... Что-то начальнику въ руку соваль...

Быль нашъ купецъ не юнецъ-вѣтрогонъ, — скоро со станціи вышелъ вагонъ... Но черезъ вѣрсту смертельно усталъ, въ темномъ лѣсу отдохнуть пожелалъ...

— Ну-ну-ну-ну, — еще разъ, — ну-ну-ну!... ухарь-купчина взялся за мошну: далъ машинисту, кондуктору далъ, смазчику тройку въ сердцахъ отсчиталъ, — былъ онъ мозгой и богатъ и силенъ: дальше поѣхалъ подлюга-вагонъ...

— Станція «Липки»!...

Вагонъ попыхтѣлъ и на запасный на путь полетѣлъ, началъ чиниться, сердешный, опять... Видитъ купчина: недобрая статья... Плачетъ купчина, что горькая выпь...

— Снова, родимый, къ начальнику сыпь!

Снова онъ что-то начальству шепталъ; что-то начальнику въ руку соваль; снова вагонъ по полямъ грохоталъ; снова въ вагонѣ купецъ хохоталъ... Мчитъ вагонъ по полямъ, по лѣсамъ, или въ тущобахъ стоитъ по часамъ...

Небо да поле, сугробы да ель...

— Ухарь-купецъ, вынимай-ка-сь кошель...

140 станцій да двѣсти тущобъ... Эхъ, черезъ мѣсяць придтить хорошо бь!.. Тыщу ужъ роздалъ лихимъ господамъ... Ну, подороже товарецъ продамъ...

Вотъ те и Питеръ... Не городъ, а хватъ, — то-есть воистину самъ Петроградъ, чисто столица!

Купецъ чуть живой... Чортомъ стоитъ передъ нимъ ломовой...

— Хошь за десятку, а нѣтъ, — такъ прощай, а за знакомство дозвольте «на чай»... Деньги-то нонѣ невредная вещь, ежели трешница — эконькій лець...

Ну и столица!... Ехиднѣе тещь!.. Догомъ кусается каждый обдѣль: масло въ Саратовѣ «красная» пудъ, тутъ по три красныхъ и рвутъ, и деруть... Къ уткѣ и курицѣ подступу нѣтъ...

Сильно разбухъ у купца партманеть...

Въ красной рубахѣ, красивъ и румянь, весель купчина, доволенъ и пьянь...

— Въ Питерѣ, чать, мы, не въ темной Уфѣ, и не въ трактирѣ, а въ модномъ кафѣ...

Весело!.. Къ шуту тревоги и сплинъ!.. Рядомъ съ купчиною tout Сахалинь: феи, альфонсы, арапъ, халтуристь, феи, котята, арапъ, стрекулисть...

Что тебѣ надо, — въ секунду на столъ: вакса, винтовка, очки, тѣколь, лошадь, подковы, желѣзный заводъ, брюки, дѣвица, индѣйка и юдь... Что тебѣ надо, — торгуйся, родной, — сдѣлаемъ все по одной накладной...

Ботаеть ухарь-купецъ по мошнѣ:

— Жить ишша можно въ расейской странѣ!...

Евг. Вѣнскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Голось Фигнера.

Н. Н. Фигнеръ выставляетъ свою кандидатуру въ гласные Петроградской Думы.

Было время, когда Н. Н. Фигнеръ проходилъ на Императорскую сцену однимъ своимъ голосомъ.

Едва ли теперь попадетъ онъ однимъ своимъ голосомъ въ Думу.

Потому что о другихъ голосахъ не слышно.

Для лошадей?

Въ Москвѣ черносотенцы приступаютъ къ изданію своей газеты, которая будетъ называться: «Коренникъ».

Наконецъ-то, эти полезныя домашнія животныя будутъ имѣть свой профессиональный органъ.

Лѣченіе сахарной болѣзни.

Вотъ самая тяжелая форма болѣзни:

Московскій градоначальникъ официално довелъ до свѣдѣнія московскаго городского головы Челнокова, что, по имѣющимся въ градоначальствѣ свѣдѣніямъ, въ настоящее время въ разныхъ складахъ, принадлежащихъ преимущественно банкамъ, находится свыше полумилліона пудовъ сахара. Однако, владѣльцы такихъ огромныхъ залежей сахара съ явно спекулятивной цѣлью не выпускаютъ сахаръ на рынокъ.

А вотъ радикальное лѣченіе сахарной болѣзни: окна банка задѣлываются рѣшетками, у дверей ставятся часовые. Съ родственниками свиданія по пятницамъ. Курсъ лѣченія 3 года.

Черезъ три года рѣшетки снимаются и банкъ здоровъ и весель, какъ и до болѣзни.

Одесское.

Почему одесская черносотенная дума избрала И. Г. Щегловитова почетнымъ гражданиномъ города Одессы?

Вы не знаете почему? Значить, вы ничего не знаете!

Одинъ одесскій общественный дѣятель рассказываетъ:

Имя г. Щегловитова, даже въ самой отдаленной степени, не находится въ связи съ городской жизнью Одессы. И. Г. Щегловитовъ, за все время пребыванія на государственной службѣ, былъ въ Одессѣ всего лишь 2 раза — проѣздомъ въ Бессарабію, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и въ 1912 г., во время ревизіи одесской судебной палаты, когда ему пришлось пробыть тамъ два дня. Ревизія эта окончилась въ первый же день прибытія г. Щегловитова въ Одессу, но ему захотѣлось побывать въ городскомъ театрѣ, и онъ остался тамъ еще на день.

Итакъ, Одесса избрала почетнымъ гражданиномъ проѣзжаго чловѣка, только за то, что онъ побывалъ въ городскомъ театрѣ.

Удивительно? Но это удивительно только людямъ, не знающимъ Одессы.

Дѣло въ томъ, что всѣ одесситы ходятъ въ театръ по контрамаркамъ, а г. Щегловитовъ купилъ билетъ.

Этотъ удивительный поступокъ такъ потрясъ одесситовъ, что они единогласно избрали этого широкаго безкорыстнаго барина почетнымъ гражданиномъ.

Реставація.

Св. синодъ далъ разрѣшеніе на перемѣну фамилій священникамъ: Владиміру Якштейну, Федору Гриберману и Степану Лысому. Первымъ двумъ перемѣна фамилій (Каменскій и Святогорскій) исходатайствована св. синодомъ въ виду неприличія православнымъ священнослужителямъ носить нѣмецкія фамиліи, а послѣднему (Лысый), въ виду неблагозвучія фамилии, что несообразно съ высокимъ іерейскимъ саномъ.

Бѣдные лысые: отнынѣ официално признано неблагозвучіе этой профессіи.

Логика наша и ихняя.

„Посылка“ и „выводъ“ — эти два термина логики, очевидно, очень хорошо извѣстны екатеринбургскому приставу.

Посылка — въ городѣ участилсь кражи.

Выводъ — надо арестовать сотрудника прогрессивной газеты.

Изъ телеграммъ „Русск. Слова“:

Екатеринбургъ, 24, I. Ночью въ квартиру сотрудника „Уральской Жизни“ Берсенева, проживающаго въ гостиницѣ „Ураль“, явилась полиція и арестовала Берсенева.

Въ полицейскомъ участкѣ Берсенева продержали до утра.

Утромъ приставъ 2-й части заявилъ вызванному въ полицію редактору „Уральской Жизни“, что Берсенева арестованъ, какъ подозрительная личность, въ виду участившихся въ городѣ кражъ.

Берсенева послѣ объясненій отпустили.

Сначала посылка, — думаетъ приставъ, — потомъ выводъ.

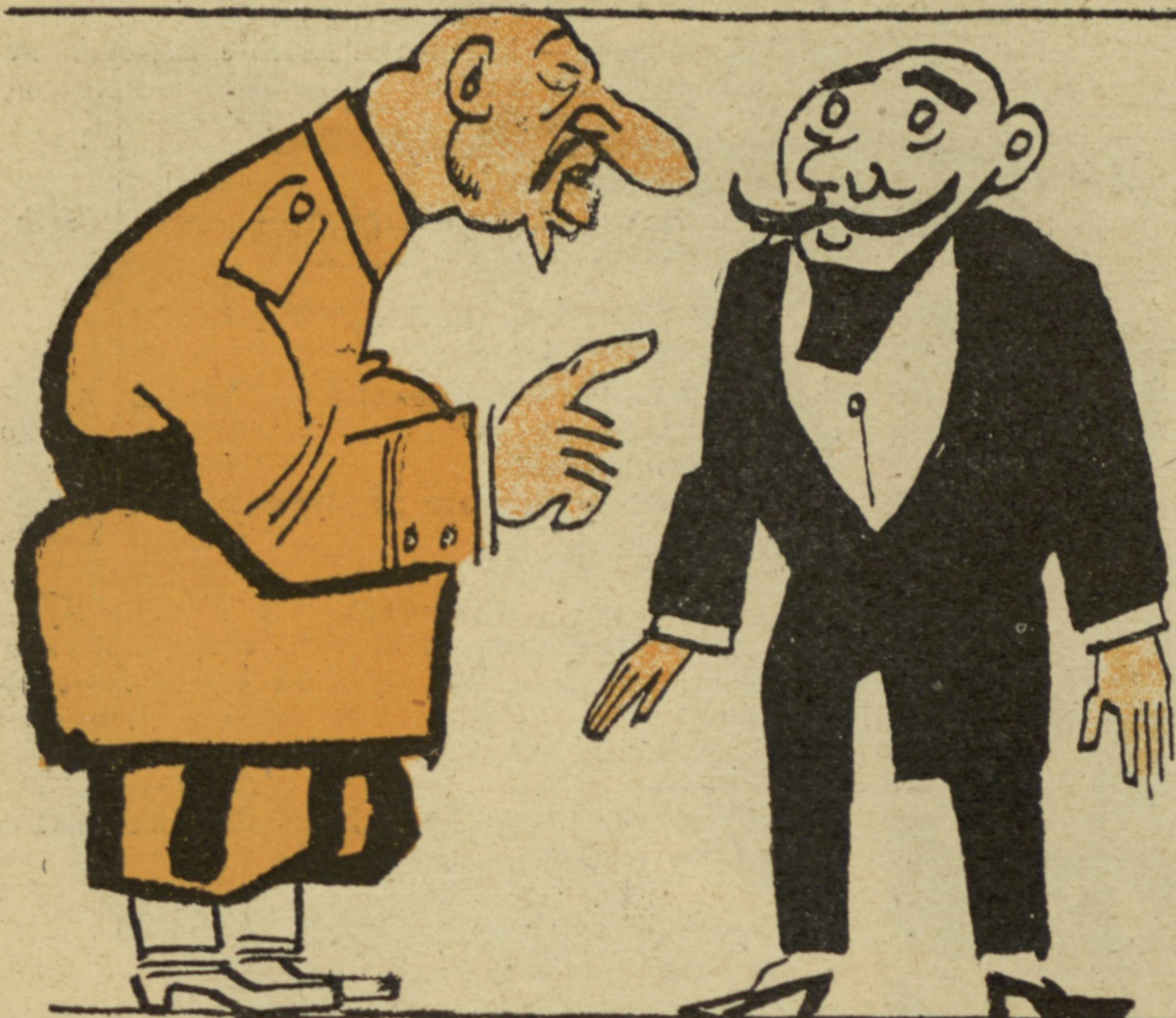
Съ этимъ умнымъ приставомъ нужно отнынѣ поступить наоборотъ: сначала выводъ (за черту города), потомъ посылка (въ мѣста болѣе отдаленныя).

И стало бы въ городѣ спокойно.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

Фердинандъ Болгарскій, боясь покушенія, принимаетъ тысячу предосторожностей.

Рис. А. Радакова.

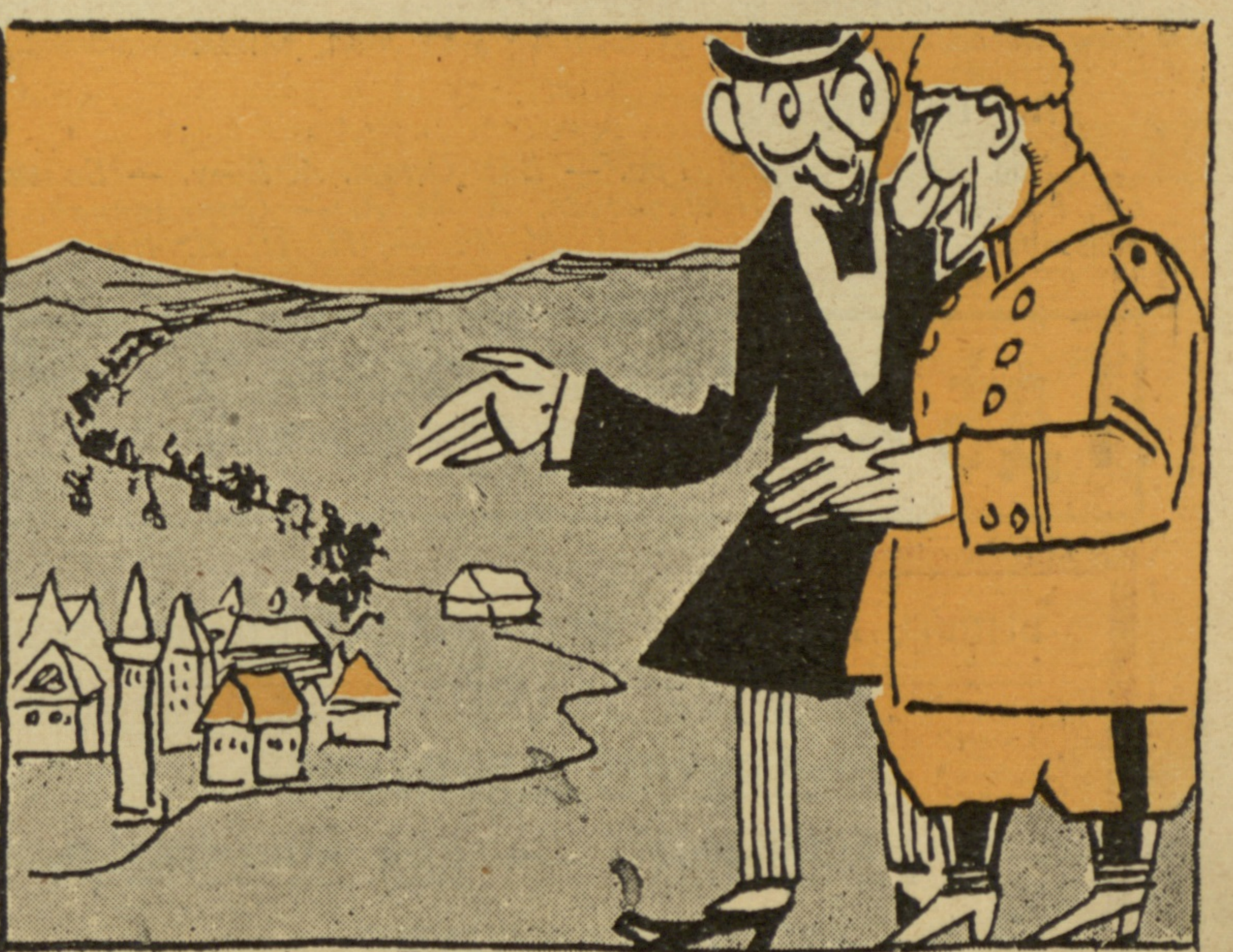
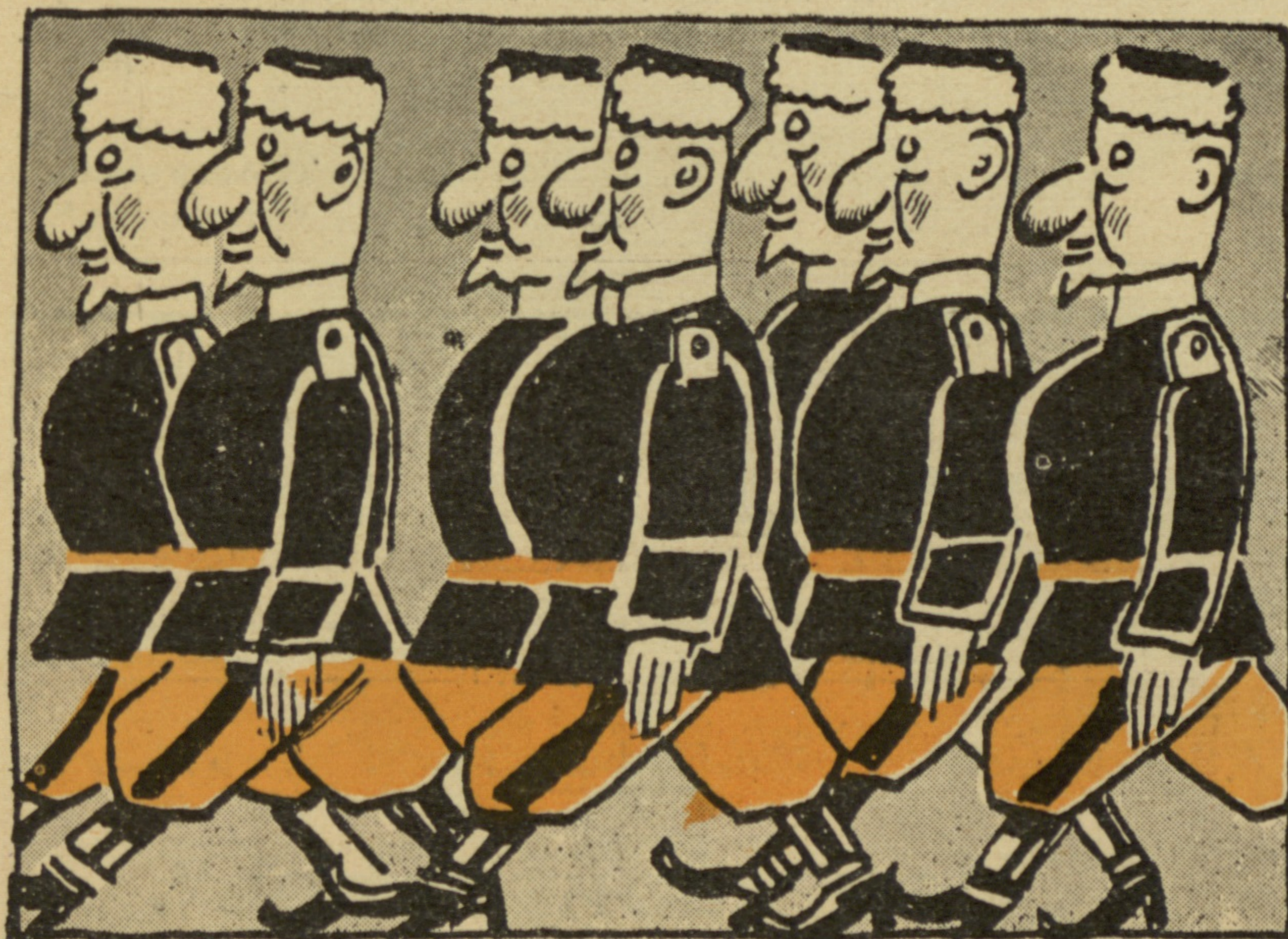
Фердинандъ Кобургскій: — Болгары на меня недовольны и хотятъ устроить покушеніе... но я тоже не дуракъ...

Я живу не въ одной, а въ двадцати палаткахъ. Пусть-ка догадуются — въ какой!..

Я напиваю всѣхъ подозрительныхъ бродягъ — пусть у нихъ двоится въ глазахъ, и они не разберутъ, гдѣ я — настоящій...

Въ газетахъ называютъ сразу 10 городовъ, въ которыхъ я живу...

И, наконецъ, я заgrimировалъ десятокъ солдатъ подъ свое лицо — пусть покушаются на любого!

— Ваше величество! Болгары всѣ убѣжали...
— Почему?
— Когда они увидѣли 10 одинаковыхъ Фердинандовъ, то пришли въ ужасъ: намъ, говорятъ, и одного было довольно...

Рис. Н. Альтмана.

ТРАМВАЙНАЯ ГАЛАНТНОСТЬ.

Одинъ изъ сидящихъ:

- Барышня, вы не устали?
— О, да! Очень, очень устала!
— Такъ перемѣните руку.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Вас. Остр. Карпу Гро. — Вас. Остр. А. В—у. — Большой пр., Ржевицкому. — Пушкинская, А. М. А. — Стремяная, Соловьевой. Михайловск. ул., М. М. Г. — Н. П. Л. Шпалерная

Козочку. — Б. Проспектъ, 44, кв. 2. — Н. В. Здѣсь. — Не подошло.

Ц. Село. Л. Гри. — Не подошло.

Клубочку. — Клубочекъ даетъ слѣдующій не лишенный смысла совѣтъ:

Цѣлуйте Тонечку
Потихонечку,
А что касается Наташи —
Поговорите съ папашей.

Вамъ, конечно, виднѣе.
Стихи выбросили.

Альциону съ Конюшенной. — Страшно, жутко острить Альционтъ:

„Безтолковый.“

— Скажите, что это за Муся такая появилась на горизонтѣ?

— Какая Муся?

— Да вотъ всѣ говорятъ, что Мусинъ Пушкинъ прячетъ сахаръ... Неужели, если онъ самъ не свой, а Мусинъ, то Муся не могла на него повліять?*

Мусинъ-Пушкинъ прославился тѣмъ, что пряталъ сахаръ...

Почему бы вамъ не сдѣлать того же самаго съ вашими произведениями.

Б. Москва.

Ю. Т. — А. Плотникову. — Н. Рр. — Тверская ул., „Реноме“, № 15. — Прѣсня, Скоморохову. — Калинин, Э. Ар. — Не подошло.

В. Провинція.

Кременчугъ. М. В-скому. — Кіевъ. Назаревская, Одарченко. — Одесса. Херсонскому. — Въ пространство. Волошину. — Казань. Гану. — Село Мордвиновка. Крюгеру. — Неизвѣстно куда. С. Аршону. — Борь Г. — Екатеринбургъ. Л. М. К-ву. — Одесса. Sage. — Иркутскъ. С. И. Б. — Харьковъ. В. К. — Кадіевка. Дракину. — Ст. Завлеканово. Репсу. — Новочеркасскъ. Юмину. — Неизвѣстно куда. Геннадію. — Новгородъ. Терзакину. — Казань. А. Изгой. — Каховка. А. К. — Въ пространство. Нуво-Беню. Все присланное не подошло.

Казань. — Огорошу. — Приведемъ только 2 строки:

„Въ то время, какъ я не пишу стиховъ,
То давлю на стѣнкѣ я клоповъ...“

Не даромъ сказано о васъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавы суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружень...

Прощайте, Огорошъ!... Какъ говорятъ хохлы: „ни мы до васъ, ни вы до насъ“...

Въ простр. — И. К. К. — Этотъ писатель расчувствовался:

„Прошу отнестись къ моимъ писаніямъ по-братски“...

Это можно.
Какъ Каинъ къ Авелю.

Г. Дѣйствующая армія.

Кандидату на классныя должности Александрову. Все присланное не подошло.

Аве.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:

Тэффи.

„Неживой звѣрь“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

на ежедѣльный журналъ сатиры и юмора

„Новый Сатириконъ“.

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

52 номера богато иллюстрированного красочными **52**
рисунками и карикатурами журн. больш. формата.
Рисунки и текстъ лучш. русскихъ художн. и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. ПРЕМИИ: Кроме того, всѣ годовые под- БЕЗПЛАТН. ПРЕМИИ:
писчики получаютъ **3**

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпиги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„Вѣстникъ знанія новаго сатирикона“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣнiе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнiя должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отряваютъ лучшие куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте!

Расширенiе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманiю читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей Работа известнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Неизвестныхъ или незнакомыхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребыванiе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его известнымъ, чѣмъ заданiе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленiя — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣнiе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положенiе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 6 р. 80 коп., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ 8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.
За границу: на годъ 12 руб., на 1/2 года 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 3 р., къ 1 мая 2 р., къ 1 іюля и 1 сент. по 1 р. 50 к.

Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особо льготная рассрочка, а именно: при подпискѣ 2 руб. и ежемѣсячно каждое 1-е число по 50 коп.

Рис. Ре-ми.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88.

Телефонъ № 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Г-во „Новый Сатириконъ“.

ЯДЪ НА КОНЧИКЪ ЯЗЫКА.

- Представь себѣ, баронъ Кексъ предложилъ вчера мнѣ руку...
- При выходѣ изъ экипажа?